

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-4-9>

УДК 81

Attribution
cc by

НЕЛОКАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ И ВИРТУАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ
«ЛЮБОВЬ К ТРЕМ ЦУКЕРБРИНАМ» В. ПЕЛЕВИНА

Свитенко Н.В.¹, Чотчаева М.Ю.²

Кубанский государственный университет¹,

Ставропольский государственный педагогический институт²

Аннотация. Понятие «нелокальность» относится к квантовой психологии и было заимствовано у квантовой механики по принципу аналогии. Нелокальность личности обусловливается включением психики человека в систему, которые значительно сложнее и шире, чем просто процесс жизнеобеспечения. Человек, эту локальность утративший, ощущает автономность своей психики и овладевает ею. В статье анализируется структура образа нелокальной личности в романе В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» (2014): виртуальные идентичности Семёна Паламарчука проявляются в разных плоскостях текстовой реальности. Главный герой романа, осознав «главную тайну» сворачивания индивидуального сознания на границе сна, переживает метаноию, провоцирующую личностную многомерность. В тексте, репрезентирующем фрактальную структуру, разворачиваются судьбы различных виртуальных идентичностей героя: в существование в реальности искусственного сна-комы. Открытый финал романа оставляет читателю свободу интерпретаций: мыслить сюжет как многогеройную композицию психodelического квеста или понять центральных персонажей как виртуальные субличности одного героя, персонифицирующие в сюжетах-«ячейках» фрактала его любовь и созидаательное добро (Надя), жажду познания и преобразования действительности (Бату Караев) и обычательский конформизм и сексуальную озабоченность (Кеша).

Ключевые слова: современная проза, В. Пелевин, «Любовь к трем цукербринам», нелокальность, виртуальная идентичность, фрактальная структура, субличности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**NON-LOCAL PERSONALITY AND VIRTUAL IDENTITIES
IN THE NOVEL "LOVE FOR THREE ZUCKERBRINS" BY V. PELEVIN**

Natalya V. Svitenko¹, Marina Yu. Chotchaeva²

Kuban State University¹,

Stavropol State Pedagogical Institute²

Abstract. The concept of nonlocality refers to quantum psychology and was borrowed from quantum mechanics by analogy. The non-locality of the personality is due to the inclusion of the human psyche in systems that are much more complex and broader than just the process of life support. A person who has lost this locality feels the autonomy of his psyche and takes possession of it. The article analyzes the structure of the image of a non-local personality in V. Pelevin's novel "Love for Three Zuckerbrins" (2014): Semyon Palamarchuk's virtual identities appear in different planes of textual reality. The protagonist of the novel, realizing the "main secret" of the folding of individual consciousness at the border of sleep, experiences metanoia, provoking personal multidimensionality. In the text representing the fractal structure, the fate of various virtual identities of the hero unfolds: into the existence of an artificial sleep-coma in reality. The open ending of the novel leaves the reader with freedom of interpretation: to think of the plot as a multi-hero composition of a psychedelic quest or to understand the central characters as virtual subpersonalities of one hero, personifying his love and creative goodness (Nadia), thirst for knowledge and transformation of reality (Batu Karaev) and philistine conformism and sexual concern (Kesha).

Key words: modern prose, V. Pelevin, "Love for Three Zuckerbrins," nonlocality, virtual identity, fractal structure, subpersonalities.

Funding: Independent work.

Введение.

По мере развития высоких технологий, выполнение большей части процессов, имеющих определенный алгоритм, было возложено на электронные вычислительные машины, в связи с чем, резко и в несколько раз увеличилась производительность (в сравнении с человеческим трудом) каждого переданного

им процесса. «Именно бесконечный самоповтор лежит в основе одного из фундаментальных принципов формирования и развития сложных структур — фрактала» [6].

Явление, называемое фрактальным, характеризуется многократным последовательным повторением уменьшенной копии или части самого себя. На

любом этапе развития фрактал будет подобен сумме своих повторений, возникающей в бесконечности.

По мнению современных ученых-психологов, личность человека – тоже явление фрактальной природы из-за наличия у большинства осознаваемых и подконтрольных субличностей. Индивидуальная и коллективная психика человека, если представлять их как зеркала, стоящие друг напротив друга, дают бесконечное число отражений «я», из которых состоит бесконечный зеркальный коридор [7, с. 7].

Понятие «нелокальность» появилось в гуманитарном знании было заимствовано психологией [3] и парапсихологией [1] у квантовой механики по принципу аналогии.

Физика по принципу локальности же утверждает, что только непосредственное окружение исследуемого объекта будет на него влиять. Квантовая механика экспериментом доказала, что есть частицы, которые при своей физической удаленности оказывают влияние друг на друга, тем самым противореча принципу локальности.

Таким образом, если рассматривать человека как квантово запутанную частицу, нарушающую принцип локальности, можно сделать вывод, что нелокальность личности обусловливается включением психики человека в системы сложнее и шире, чем просто процесс жизнеобеспечения и человек, эту локальность утративший, ощущает автономность своей психики и овладевает ею.

Обсуждение.

В различные моменты жизни герои романов Пелевина осознают себя и свою личность как множественную в связи с проявлением реакции на события текстовой действительности, после чего его персонаж находится в постоянном поиске своего «настоящего» Я.

В романе «Любовь к трем цукербринам» примером личности такого характера является Семён Паламарчук, более известный в разных главах и плоскостях текстовой реальности как Бату Караев. В самом начале читатель видит его как ваххабита, устроившего взрыв в редакции интернет-СМИ «Contra.ru», в белой майке с принтом овцы, жующей стебель конопли. Это событие является одним из ключевых для дальнейшего повествования. В первой части текста об этом персонаже больше не упоминается.

С усложнением сюжета (а именно смертью Кеши (Иннокентия в реальной действительности, или просто «Ке» как звали его реинкарнацию) являвшегося главным героем) повествователь в лице Киклопа с головой уходит в рассказ о будущем погибшего при взрыве [5, с. 163-169]. Благодаря своему всевидящему оку, Киклоп мог увидеть, как далекое прошлое человека с его переживаниями, которые он уже пережил, мыслями и чувствами, так и его далекое будущее. Кеша в его видении реинкарнировал в той относительной реальности и том времени, где Москва была похожа на мировую свалку мусора на улицах, а люди «жили» в модулях, занимающихся их

жизнеобеспечением с помощью подключенных к телу трубок. Та реальность, которую видел Киклоп, отдаленно напоминала реальность фильма «Матрица», поскольку в ней, как и в фильме, все то «красочное, живое и настоящее» являлось лишь симуляцией, вечным сном, в котором находились герои.

В этом компьютеризированном сне у каждого человека был свой «фейстоп», отдаленно напоминающий изображение рабочего стола на экране компьютера, на котором хранились «иконки» используемых приложений, и в человеческом обличии «иконка» пары, подобранная системой по схожим интересам и качествам. В один момент Кеша узнает, кем был его социальный партнер не в симуляционной реальности [5, с 160-162]. Без посторонней помощи и не узнал бы, что его жена Мэрилин (Машка, как он называл ее ранее), являлась на самом деле мужчиной с измененным половым модулем.

В той реальности Бату Караев и был социальным партнером главного героя, который узнал об этом из приложения, модулирующего ситуацию встречи и диалога между ними уже после самоубийства Караева. Раскрытие его персонажа происходит уже тогда, когда его нет в живых. Из заранее записанных им реплик, адресованных в послании Ке, читатель узнает, что дримбомбер (от англ. «dream» и «bomb», означающих «взрывающий в сне») в лице Бату, являвшегося и в той реальности преступником, не просто устраивал теракты со смертельным исходом в групповых снах, а преследовал этим определенную цель. В своей исповеди антагонист объяснял, что делал это не ради своего удовольствия, а ради освобождения от сна спящих. Он осознал главную тайну: что при переходе человека в сон, он утрачивает собственное сознание, индивидуальность и даже мысли. Все, чего он, как ему казалось, хотел, являлось волей системы, промывающей мозги потоками информации с такой силой, «что там не способна появиться ни одна случайная мысль» [5, с. 170].

Человек, отличающийся сознанием, таковым быть перестал и то, что каждый спящий считал своей личностью, своей душой, по объяснению Караева, было не более чем программным кодом, который отрабатывал кем-то созданный ранее скрипт. В их мире ни одна мысль не являлась случайной. Даже судьба человека, сценарий которой, исходя из религии, является кем-то предопределенным, предполагала развитие и давала свободу выбора (или хотя бы ее иллюзию), от которой зависели дальнейшие события в жизни каждого. Здесь же каждый спящий являлся цепочкой системных кодов, переходящих из одной фазы в другую. В этой цепочке были прописаны даже мысли пользователя, благодаря которым в ходе повествования появлялась контекстная реклама, предлагающая купить предмет мысли. Предмет мысли, по сути, мыслью и волеизъявлением не являвшейся. Бату благородно (как полагал герой) хотел помочь избавиться живущим во сне от навязанной и кем-то (кого называли Цукербринами) определенной симуляции, поэтому и устраивал теракты в коллективных

снах, последний из которых можно было бы сравнить с мировым масштабом [5, с. 171].

В этом фрагменте читатель осознает, что привело героя к той, или иной мысли и действию, что стало отправной точкой в отличном от предыдущего сознания. Из исповеди антагониста ясно, что раньше он являлся представителем закона, борющимся с таким явлением как «мыслепреступления», после чего, изучив всю систему досконально, решил пойти против неё. Информация о Караеве транслировалась по главному каналу, в базе данных были сведения о нем и его преступлениях, при упоминании его имени спящие ужасались, такого «величия» он достиг своей деятельностью.

В связи с одним явлением, мыслью, действием, механизм сознания человека необратимо меняется, благодаря осознанию даже чего-либо несущественного, после чего жизнь персонажа, как и личности в целом, прежней уже не будет. Это приводит к многомерности личного человеческого «я», из которого он пытается вычленить основное. По мысли исследователя Прониной, найти такое «я» сравнимо с пониманием истины в любом ее аспекте, начиная от смысла жизни и заканчивая абсолютной правдой, но “сделать это так же необходимо, как взять и выплыться из сумасшедшего дома” [6, с. 10]. Только личность, дифференцирующая многогранность своего «я», осознает, что свобода частей собственного сознания, и их независимость являются почти безграничными. «Мышление такого человека принципиально многомерно, как многомерно его “я”» [7, с. 25]. Сознающему себя на таком уровне становится доступным понимание нелинейности и нелокальности окружающей его действительности, исходя из чего он может разорвать линейность причинно-следственной связи, заменить причину следствием, не переставая воспринимать их как сумму, значение которой даже при перестановке местами слагаемых не изменится.

Еще одной личностью, репрезентирующей принципы нелокальности в тексте, становится фигура повествователя, обозначенного Пелевиным как «Киклоп». Свое прозвище герой получил в связи с медитативной практикой, благодаря которой развил свой особенный навык, заключающееся в сведении глаз в одной точке и удержании их в таком положении до тех пор, пока видимая картинка не обретет четкость. Таким образом, два глаза превращались в один, который находился где-то в районе лба и видел намного больше, чем два человеческих [5, с. 10-15].

О рассказчике читатель знает то, что ему в наследство от дальнего родственника досталась квартира с личными вещами, среди которых находилась «Коробка № 1», где среди бумаг оказалось «пособие йогина». Перед старым зеркалом он упражнялся в ясновидении до тех пор, пока не ворвался, сам того не желая, в чужой поток сознания и воспоминаний [5, с. 17-18]. Это стало его отправной точкой к множественности и нелокальности собственного «я».

Если рассматривать рассказчика как внезапно «прозревшего» и увидевшего суть вещей, то этот герой становится похож на бесплотного стороннего наблюдателя, а не живого человека, имеющего мысли и чувства. Если рассматривать главы романа как отдельно взятые реальности, то герой является путешественником по фракталу, о чем потом говорит сам [5, с. 25]. Читатель не знает настоящего имени персонажа, от лица которого ведется повествование, потому что тот принял роль Киклопа и стал называть себя так. По сути, перемещения из одной реальности в другую могут рассматриваться как проявления разных граней собственного «я». Даже после прочтения автор не дает понять сном ли это (вместе с превращением в Киклопа) было, или явью, из которой повествователь выпал и, запомнив, пересказал это на страницах романа.

Вместе с протагонистом и антагонистом рассказчик перемещается по мирам-итерациям: в первом мире, являвшемся реальной действительностью на первый взгляд, он с помощью своего умения перемещается из одного сознания в другое, переживая то, что давно уже было забыто самим носителем воспоминания. Первая реальная действительность заканчивается тем, что в издательстве, где работал главный герой, именуемый Кешей, происходит взрыв. Промежуточными между первым и вторым являются еще два мира с разным уровнем сюрреализма в нем.

Первый уровень реальности – мир людей, живущийся таковым до тех пор, пока в ходе повествования не наступает момент появления Птиц, являющихся прямой ссылкой к древнеегипетской религии и мифологии. Здесь вполне реально с высоты здания падает человек, к которому с опасением подходит рассказчик и после прикосновения к которому видит охотившихся на него [5, с. 32].

Второй уровень реальности – мир сна Кеши, в котором правит сюрреалистическая антилогика, а сам он, ощущая себя по-разному (даже лицами разного пола), сотворению этого алогичного пространства способствует. В этом сне, имеющем три уровня, Творец «всего» был показан как Древний Вепрь с зеленым рылом. Могущественные Птицы, которых тот создал, пытались убить своего создателя [5, с. 26]. С первой неудачной попыткой запустить в Вепря человеческим телом, Кеша, видевший себя Николаем, проснулся во сне уже в теле Даши, чья попытка уничтожить Творца с помощью пророченного в ее животе стального яйца тоже была неудачной [5, с. 26].

Кеша просыпается трижды, после чего нам показывают его реинкарнацию в далеком будущем в симуляции жизни во сне. Он понимал, что спит, зная, что происходит с ним в реальной действительности, где был подключен к аппаратам искусственного поддержания жизни, отвечающих за питание, гигиену и здоровье спящего. Как итог, он вместе со многими другими в результате очередного теракта в массовом сновидении, подстроенного Караевым, погибает [5, с. 6].

Герой Кеши, показанный в романе, один из своих выходных проводит весь день за компьютером, оставляя сообщения на форумах разной идеологической направленности и под разными никами. Герой сменяет около десяти аккаунтов за этот период времени (куда-то он отправляет «фотожабу», которую сделал сам, а где-то вступает в полемику с другими пользователями [5, с.126-129]), а информация, оставленная им под разными масками в обсуждениях, является совершенно разной по мировоззренческим приоритетам.

Тема виртуального существования изображается Пелевиным не только в этом фрагменте текста, но и в описании всего образа жизни Иннокентия в своей инкарнации. Он, как и большинство других людей, «проживал» в кластерах, «которые были больше похожи на консервные банки, используемые в древности» [5, с. 172]. Кластер подключался к телу, находящемуся в нем с помощью маски и множества трубок, отвечающими за разные функции. На его затылке под кожей располагалась маленькая пластинка, через которую осуществлялась связь техники с мозгом напрямую. С помощью такого соединения каждый пользователь подключался к фейстопу, являющемуся, по сути, рабочим столом каждого пользователя компьютера со своими «иконками» и «обоями» на нем. Только, в отличие от реальной главной страницы ПК, виртуальная реальность была не двухмерным и не трехмерным изображением, а осозаемой действительностью, «иконки» приложений были представлены людьми, а контакт главного героя с ними происходил на площади (главный экран любого гаджета) [5, с. 183]. В этом сне у Кеши было все: свой фейстоп, являвшийся личным уголком, где он проявлял личность хозяина (устанавливая и деинсталлируя приложения), социально активной единицы (занимаясь удовлетворением своего социального партнера), любовницы (связь с его реальной тяге к японским школьницам) и многие другие роли своей субличности, сам того не осознавая, в отличие от Бату.

Следующей за этой реальность открывается реальность Нади (девушка, которая работала вместе с Кешей в «Contra.ru», следила за уютом, порядком и оставляла пластмассовых разноцветных игрушечных зверей в горшках с цветами). После взрыва в издательстве за чистоту своих душевных помыслов и абсолютное спокойствие становится Ангелом в мирке, где ее называли Сперо (от лат. spergo – надеяться) [5, с. 192]. Там она является помощницей Бога и приходит на помощь заблудившимся на жизненном пути антропоморфным животным, среди которых, если приглядеться, в трехголовом псе можно увидеть трех журналистов из первой части романа, в питоне Бату – террориста, упомянутого ранее, в гиппопотаме – поэта Гугина и так далее [5, с. 190].

Она стала ангелом в том мире, где у нее был собственный сад, зовущийся Эдемом: «Эдем – просто ее маленький личный цветник, до которому ни-

кому во вселенной нет дела» [5, с. 195]. Он был создан без всякой цели из любви и добра – из того же, из чего и состояла Надя.

В конце повествования рассказчик, представившийся читателю Киклопом, объясняет, что путешествовал на поездах, везущих из одной реальности в другую, где события и обстоятельства значительно различались. В одной из таких реальностей не произошло того самого взрыва в офисе издательства, все живы и продолжают делать то, что делали [5, с. 201].

Характерной чертой стиля Пелевина является то, что писатель не создает однозначную развязку, оставляя финал открытым, благодаря чему читатель волен домыслить окончание истории. Если воспринимать все события, изложенные в романе «Любовь к трем цукербринам», как уровни сна Киклопа, из которых он постепенно выходил, сменяя один другим, и по действующему лицу, то может показаться, что все из упомянутых имеющих значение героев (Бату, Кеша, Надя) являются разными уровнями его личности: Надя была его добротой, любовью ко всему существу, что рождало его спокойствие, Бату – желанием что-то кардинально изменить в своей жизни и жизни людей в целом, Кеша же выступал как стабильный прокрастинатор, который в свои выходные пил и «серфинговал» в Интернете, меняя активные аккаунты на форумах разной направленности [5, с.120].

Заключение.

Технический прогресс и развитие технологий обусловили, благодаря которым были созданы компьютеры, смартфоны, очки виртуальной реальности, «умные» дома и многие другие вещи, и спровоцировали возникновение виртуальной реальности и, которая требовала особой идентичности: проблема виртуальности и ее взаимоотношение с реальной действительностью стала широко обсуждаться в самых разных научных кругах.

Проблема виртуальной идентичности актуальна в современной психологии, рассматривающей личность как совокупность множества проявлений её разных сторон. Это множество проявлений, достигая определенного уровня сложности, стремится к независимому существованию и предпринимает попытки удовлетворения своих потребностей через личность. Патологией является не наличие множества таких личностей, в совокупности представляющую одну многогранную, а неумение этими субличностями управлять. С помощью субличностей человек самовыражается и приобретает реальный опыт. Без осознания «граней» своей личности и умения управлять ими процесс духовного роста и самосовершенствования невозможен. Стремление к эксперименту со своей идентичностью является причиной, по которой пользователи сети Интернет могут использовать разные аккаунты, примеряя на себя разные «никнеймы», социальные роли и так далее. Развитие таким способом виртуальных идентичностей становится способом саморазвития [1].

Литература, созданная Пелевиным, по мнению Гурина [2], является энциклопедией духовной и

интеллектуальной жизни русского человека в конце XX–начале XXI века. Сложно представить жизнь современного человека без доступа к интернету: герои Пелевина попали в лабиринт всемирной сети и автор-

ская задача – художественное исследование проблем соотношения реальности и виртуальности – «насущная задача внутристической реорганизации, которую невозможно отменить или отложить» [4, с. 127].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Красильников Г. Т., Мальчинский Ф. В., Крачко Э. А. *О научном статусе квантовой психологии // Российский психологический журнал*. - 2017. - Т. 14, № 2. - С. 51-66. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.3 EDN: YUSGND
2. Гурин С. А. *Пелевин между буддизмом и христианством / С. А. Гурин // Сайт творчества Виктора Пелевина [Электронный ресурс]*. - URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html> (дата обращения: 12.11.2025).
3. Лебедев И.Б., Кузнецов А.Ю. *Психика как нелокальная реальность нашего мира // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 6А. С. 310-315. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.184 EDN: DBLEJR
4. Пелевин В. О. *iPhuck 10*. - М.: Эксмо, 2017. - 416 с.
5. Пелевин В. О. *Любовь к трем цукербринам*. - М.: Эксмо, 2014. - 448 с.
6. Пронина Е. Е. *Фрактальная логика Виктора Пелевина // Вопросы литературы*. - М.: Журнальный зал, 2003 № 4. - С. 5-30.
7. Руффлер М. *Игры внутри нас. Психодинамические структуры личности* - М.: Изд-во Института психотерапии, 1998. - 208 с.

References:

1. Krasilnikov G. T., Malchinsky F. V., Krachko E. A. *On the scientific status of quantum psychology // Russian Psychological Journal*, 2017, vol. 14, No. 2, pp. 51-66. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.3 EDN: YUSGND
2. Gurin S. A. *Pelevin between Buddhism and Christianity / S. A. Gurin // The website of Victor Pelevin's creativity [Electronic resource]*. - URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html> (date of request: 12.11.2025).
3. Lebedev I.B., Kuznetsov A.Y. *Psyche as a non-local reality of our world // Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. 2019. Vol. 8. No. 6A. PP. 310-315. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.184 EDN: DBLEJR
4. Pelevin V. O. *iPhuck 10*. Moscow: Eksmo, 2017. 416 p
5. Pelevin V. O. *Love for three zuckerbrins*. Moscow: Eksmo, 2014. 448 p.
6. Pronina E. E. *The fractal logic of Victor Pelevin // Questions of literature*. Moscow: Journal Hall, 2003, No. 4. pp. 5-30.
7. Ruffler M. *Games inside us. Psychodynamic personality structures*, Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 1998, 208 p.

Информация об авторах:

Свитенко Наталья Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия; e-mail: svitenko@list.ru

Чотчаева Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин Ставропольского государственного педагогического института, г. Ставрополь, Россия; e-mail: m.chotchaeva@mail.ru

Natalya V. Svitenko, Doctor of Philology Sciences, Professor of the Department of History of Russian Literature, Theory of Literature and Criticism, Kuban State University, Krasnodar.

Marina Yu. Chotchaeva, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching Philological Disciplines of the Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.11.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.12.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.